

К 70-летию
М. В. Исаковского

НЕЗАБВЕННЫЕ СЛОВА

В СВОИ школьные годы я относился к тем, кто в общем-то стихов, что за пределами программы по литературе, не читает. Но Исаковского я и мои сверстники читаем. Не столько даже читаем, как знаем со слуха, его голос уже отличает от остальных. Более того, хоть это и будет понятно позднее, через поэзию Исаковского мы осознаем себя не просто русскими советскими людьми — смолянами.

Я не деревенский человек, поэтому позже, не в юности, пишу в сердце многие подлинно классические вещи Михаила Васильевича. А тогда, до войны, мы наизусть знали и пели «Любушку», ставшее хрестоматийным «Прощание», «Провожанье», «Уезжает девушка», «И кто его знает», «Катюшу», «Шел со службы пограничник», «Спой мне, спой, Прокошина», «Кольбельную» с ее истинно «исаковскими» словечками: «спи, мой воробышек, спи, мой сыночек, спи, мой звоночек родной», «На горе белым-бела» и переведенные с белорусского стихи Адама Руска «Будьте здоровы».

Мне доставляет удовольствие даже перечисление этих знакомых-перезнакомых названий. Они — как вехи юности. Если нынешним молодым мало скажут слова «уезжает девушка на Дальний Восток», — для нас это целый пласт жизни, время освоения Дальнего Востока, призыв Валентины Хетагуровой к девушкам. Уезжающих так и называли — хетагуровками.

Но, по правде говоря, любые настоящие стихи, не только стихи Исаковского, войдут в нашу жизнь с войной. Не нами сказано, что «никогда копье не мешало перу», но и нами это будет понято. Но, кроме всего прочего, стихи придут к нам в войну и потому, что если молодость всегда стремится быть непохожей на других, то война заставит всматриваться в то, что роднит, объединяет с людьми. Настоящая же поэзия всегда объединяет.

Приходит время проверить свое душевное хозяйство. Что-то безжалостно отбросить. И ты убеждаешься: лучшие военные и написанные сразу после войны стихи М. В. Исаковского — с тобой, в тебе. Причем с тобой как тогда, когда «от счастья смеешься и плачешь», так и тогда, «когда от горя молчишь и плачешь». Каждое стихотворение его

накрепко для тебя связано с определенным местом, временем, кругом людей.

«До свиданья города и хаты». Это в Барвихе, в комсомольской школе партизанского движения, мы ее пели особенно охотно и часто. Нас, девушек, человек тридцать. Мы очень разные. Никто из нас не знает, в какой день и час позовет нас «дорога дальняя». Одно ясно всем — в тыл врага. Эту мы поем тихо-тихо. И половины из нас не останется в живых. Прощаемся друг с дружкой. Потом эту песню, которая в новинку для партизан, мы будем петь во вражеском тылу. Тоже потихоньку.

«Ой, туманы мои, растуманы» — мы, партизаны, сразу сочли эту песню своей, взяли, как говорится, на вооружение. Где ее только не пели, и не поют! Но особой метой помечен один день. Наши смоленские художники принимают у себя на Советской Сергея Тимофеевича Коленкова. Еще жив и завидно здоров Николай Иванович Рыленков. Как в любом русском застолье, разговоры перемежаются песнями. Коленков среди нас, как отец в большом послушном семействе. Но что-то еще отгораживает нас от него. Мы запеваем «Ой, туманы...» С Сергеем Тимофеевичем что-то происходит. Сперва один, другой быстрый орлиный взгляд. Потом он вдруг встает и так, стоя, со слезами на глазах, со своей этой библейской развевающейся белой бородой, — тоже поет.

«Мне хорошо, колосья раздвигая», — эту песню не мыслю без голоса несравненной Обуховой. Это тот случай, когда встретились два равных великодушных мастера. Помню, как мечтала в юности попасть на концерт Обуховой, как собирала на билет со своей скудной стипендии. А концерт должен был состояться 22 июня 1941 года...

И еще одна песня, еще одна история. Редакция «Рабочего пути» размещается в небольшом одноэтажном домике возле теперешнего Дома Советов, примерно на том месте, где сейчас касса предварительной продажи билетов. Идет сорок восьмой год. Мы живем холодно, голодно, но тесно, дружно, работаем за пятерых. Каждое новое стихотворение нашего

Исаковского, да и не только его, — это событие. Событие и общественное, и семейное, и твое отдельное... Во время работы вбегает Катя Чернецкая. Она живет тут же, на чердаке, и сейчас по радио поймала «какую-то песню Исаковского». Это великолепные «Летят перелетные птицы».

Михаил Васильевич давно уже подобрался к своим «Перелетным птицам». Нерв всего стихотворения, даже его интонация уже проследивались в стихах про то, как «пели две подружки, пели две Маруси», что «всего дорожка сторона родная»; в широко известной песне про очи карие, где утверждалось, что как ни хороша страна Болгария, «а Россия лучше всех». Но в этой так полно так щемяще вымолвлено слово о любви к Родине, с таким достоинством, и с такой «исаковской» негромкостью, которая слышнее иных бряцающих звуков:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие
Страны.

А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобой.
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце
Чужое,
Чужая земля не нужна.

Каждое подлинное произведение живет не для одного поколения, хотя и пишется с точки зрения именно определенного поколения, применительно и к месту, и ко времени, и к обстоятельствам.

Для участников Великой Отечественной войны «Огонек» светит и сейчас. Правда, после войны приходилось слышать и пародии, пошлые пародии. Но кто их помнит сейчас? А подлинный «Огонек» жив, светит. Потому что уходят люди не только на войну, потому что и сегодня «увозят милых корабли, уводит их дорога белая» — на стройки в дальнюю даль, в армию...

Наверное, у всех среди многих любимых, «твоих» стихов есть одно какое-то для тебя — особенное, личное, из твоих — твое. Для меня это «Снова замерло все до рассвета».

Казалось бы, что может быть проще этих строк, которые так сроднились с тобой, что как будто принадлежат уже тебе.

Говоря о лучших стихах-песнях Исаковского, сравнивая их с народными, авторов которых могут назвать только специалисты, Твардовский говорит: «Слова народной песни не бывают пустопорожними, — они о чем-то повествуют, о чем-то вещают, чего-то хотят, чего-то просят, — попросту они содержательны».

Из чего именно в этой песне-стихотворении складывается глубоко жизненное содержание? По сути это короткая повесть о чьей-то печали.

В первой строфе Исаковский дает неточнейшие, чисто деревенские детали.

Снова замерло все
до рассвета,
Дверь не скрипнет,
не вспыхнет огонь...

И ты явственно видишь эту ночь, глубокую, по-деревенски беззвучную... Это потом, с рассветом замычат коровы, музыкально запоют подойники, профырчит машина, особенно звонко прозвучат людские голоса... Но сейчас — ни звука. Именно поэтому так отовсюду слышна гармонь. И определение-то простое — одинокая гармонь. Но и эта тишина, и звук одинокой гармони — уже намек, уже штрих, записка о чьей-то несостоявшейся встрече-любви.

Оттого, что голос одинокой гармони слышен откуда-то с поля, вне пределов деревни, этот намек, штрих получает еще большую выразительность. Две следующие строки:

Веет с поля ночная
прохлада,
С яблонь цвет облетает
густой...

Весна, с еще прохладными ночами. Весна, когда по необъяснимым причинам сердце человеческое, да если еще человек одинок, тоскует особенно безысходно.

Целая жизненная трагедия проясняется в последних шести строках. Поэт не говорит нам конкретно, что именно стряслось с молодым гармонистом. Но от этого стихотворения становится лишь объемнее, выходит за деревенскую околицу, вмещает больше, чем может вместить одна человеческая жизнь-судьба. Потому что сорок пятый год, в который оно написано, год величайшей в истории, долгожданной победы, был и годом та-

ких потерь, которых, куда жив человек, не оплакать.

Может быть, над любимой гармониста надругались фашистские гады? Может, была она партизанской помощницей и ценой своей жизни спасла других? Может, она из тех милосердных сестер, что вырвали у смерти и этого и сотни других защитников своей земли, а сама не уцелела? Наконец, может, жива и здорова, но любит другого, а ему другой не надо?...

И вот уже мы забываем о конкретных атрибутах, о том, что все это разворачивается в деревне, а не в заводском, скажем, поселке или большом городе; что речь идет о парне, а не о молодой, к примеру, вдове или невесте, которой уже не дождаться своего суженого.

В том-то и роль, и предназначение, и глубинный смысл поэзии, что она трогает, бывает, и лечит, отвечает на вопросы, заставляет переступить через собственную горю самых разных людей. Это уже общечеловеческое, хотя и оно не вне времени и пространства. Оно прикреплено и ко времени и к определенному пространству. Но именно поэтому, а не вопреки ему, оно имеет общечеловеческое значение.

В этом особая прелесть стихов Исаковского, которые поверхностному взгляду могут показаться и не претендующими на общечеловеческое, такие они деревенские, такие смоленские.

Есть такое выражение в деревне — жалеть. Оно намного шире просто жалости, сострадания к кому-либо. Жалеть — значит любить, значит имеют сочувство к чужой беде. В этом заряд человеколюбия, огромное, очищающее от всего мелкого, возвышающее значение Поэзии.

Вадим Шефнер сказал: «Поэзия тебе ничем не поможет, ни от чего не спасет. Но она может подсказать, что надо спасти другого».

Применительно к году написания Исаковским этого стихотворения нам особенно внятна мысль — спасти другого. Потому что после войны сколько встреч не состоялось и с «зарей своей вечерней», со своей «неугасимой любовью», у скольких женщин «вырванное из грудных глубин» звучало:

Он погиб у города Медыни,
Боль моя, слеза,
Навсегда закрылись
молодые,

Умные глаза...

Сколько «великих солдат», заслуживших медаль не только «за город Будапешт», но и за другие города, возвратились домой, да им не привелось увидеть ни дома, ни своих бесконечно родных.

Поразительно тонко чувствует Исаковский женское сердце. Сдается, это не только от таланта, но и от органической близости к народному творчеству, от обостренного сердечного зрения.

Теперь самое время выписать полностью это самое мое из моих стихотворений:

Снова замерло все
до рассвета —
Дверь не скрипнет,
не вспыхнет огонь.
Только слышно —
на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет за поля,
за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках
кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная
прохлада,
С яблонь цвет облетает
густой...
Ты признайся, кого тебе
надо,
Ты скажи, гармонист
молодой.

Может статься — она
недалеко,
Да не знает, ее ли ты
ждешь...
Что ж ты бродишь всю
ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать
не даешь?!

Как-то смоленские писатели принимали у себя польских писателей — Янину Броневскую, Войцеха Жукровского, Озгу-Михальского. Опять-таки в какую-то минуту мы запели «Катюшу». На всю жизнь мне запомнились слова одного из польских друзей: «Завидую вам, вы поете всегда вместе, у нас это не принято, мы поем каждый по себе...». Да, мы поем, работаем, живем не в особину на своей пусть и негромкой, но певучей смоленской земле.

Низкий поклон Михаилу Васильевичу за его, не ради громких слов, великое служение народу, за его незабвенные слова, за то, что он наш, смоленский, коренной, смоленский.

Долгих лет ему жизни!

В. ЗВЕЗДЕВА.